

Цивилизационная оппозиция «Север – Юг» в философско-литературном творчестве Осипа Мандельштама*

А.А. Кара-Мурза

Институт философии РАН, Москва, Россия

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия

Аннотация

В статье рассмотрена проблема культурно-цивилизационной самоидентификации в творчестве Осипа Эмильевича Мандельштама. Согласно семейной легенде, род Мандельштамов происходил из испанских евреев, бежавших от преследований испанских королей, а затем перемещавшийся в поисках лучшей жизни все дальше на север Европы, пока не осел, наконец, в Российской империи. По мнению автора статьи, юный Осип Мандельштам сформировался как поэт в традициях литературы «русского северянства», идущих от Гавриила Державина, князя Петра Вяземского, Антона Дельвига, Александра Пушкина. Мандельштам был прямым литературным последователем русского поэта-символиста шведского происхождения И.И. Ореуса (литературный псевдоним – Иван Коневской). Имя Ореуса-Коневского, его волшебный поэтический слог, обстоятельства гибели, наконец, его романтическая могила на крутом берегу латышской речки Аа (Гауя) – стали поистине культовыми феноменами русского Серебряного века. Ореус-Коневской оказал огромное влияние не только на творчество молодого Мандельштама (некоторые его известные стихи – не что иное как прямая «литературная дуэль» с Учителем), но и на Александра Блока, Валерия Брюсова, раннего Бориса Пастернака. Автор статьи анализирует, как в первые послереволюционные годы Осип Мандельштам пытался стать одним из теоретиков советской «северянской» литературы. Согласно авторской позиции, когда репрессивный характер новой власти стал очевиден и «северянско-петербургская» Россия обрела тоталитарно-большевистский облик, в самосознании Мандельштама начался радикальный поворот, при-

* Статья подготовлена в ходе проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

ведший к попытке формирования новой личностной самоидентификации как человека «культурного Юга», трагическим образом оказавшегося на «варварском Севере».

Ключевые слова: философия литературы, философия культуры, поэзия, русский символизм, европейская идентичность, «русское севе-рянство».

Кара-Мурза Алексей Алексеевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии российской истории Института философии РАН; главный научный сотрудник Международной лаборатории русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

a-kara-murza@yandex.ru

<http://orcid.org/0000-0002-0302-6500>

Для цитирования: Кара-Мурза А.А. Цивилизационная оппозиция «Север – Юг» в философско-литературном творчестве Осипа Мандельштама // Философские науки. 2021. Т. 64. № 2. С. 21–36.

DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-2-21-36

The North-South Civilizational Divide in Osip Mandelstam's Philosophical and Literary Works*

A.A. Kara-Murza

*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

*National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia*

Abstract

The article discusses the problem of cultural and civilizational self-identification in the works of Osip Emilyevich Mandelstam. According to the family legend, the Mandelstam family descended from Spanish Jews who fled from Spanish kings' persecution and then moved, in search of better life, further and further to the north of Europe, until they finally settled in the Russian Empire. In our view, young Osip Mandelstam was formed as a poet in the traditions of the literature of the "Russian North," derived from Gavriil Derzhavin, Prince Peter Vyazemsky, Anton Delvig, and Alexander Pushkin. Mandelstam was a direct literary follower of the Russian symbol-

* The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at HSE University.

ist poet of Swedish origin, I.I. Oreus (who published under the pseudonym of “Ivan Konevskoy”). The name of Oreus-Konevskoy, his magical poetic style, the circumstances of his death, and, finally, his romantic grave on the steep bank of the Latvian river Aa (Gauja) – became truly iconic phenomena of the Russian Silver Age. Oreus-Konevskoy had a great influence not only on young Mandelstam’s verse (some of his famous poems are direct “literary duels” with the Teacher) but also on Alexander Blok, Valery Bryusov, and early Boris Pasternak. The author of the article analyzes how in the first post-revolutionary years Osip Mandelstam tried to become one of the theorists of the Soviet “Northern” literature. In the author’s view, when the repressive nature of the new regime became obvious and the “Northern-Petersburgian” Russia showed its totalitarian-Bolshevik appearance, there started a radical turn in Mandelstam’s self-consciousness, which led to an attempt to form a new personal identity, as a person belonging to the “cultural South,” who tragically found himself in the “barbaric North.”

Keywords: philosophy of literature, philosophy of culture, poetry, Russian symbolism, European identity, “Russian Northerners”.

Alexei A. Kara-Murza – D.Sc. in Philosophy, Professor, Senior Research Fellow, Head of the Department of the Philosophy of Russian History of the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

a-kara-murza@yandex.ru

<http://orcid.org/0000-0002-0302-6500>

For citation: Kara-Murza A.A. (2021) The North-South Civilization-al Divide in Osip Mandelstam’s Philosophical and Literary Works. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filozofskie nauki*. Vol. 64, no. 2, pp. 21–36. DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-2-21-36

Предисловие

В своем знаменитом мемуарном цикле «Шум времени» Осип Эмильевич Мандельштам (1891–1938) вспоминал о том, что в раннем детстве наиболее яркими и сильными впечатлениями его были... массовые похороны: «Даже смерть мне явилась впервые в совершенно неестественно пышном, парадном виде» [Мандельштам 2002, 6].

Осипу не исполнилось и четырех лет, когда 1 ноября 1894 года он наблюдал грандиозную церемонию переноса тела умершего в Ливадии императора Александра III от Николаевского вокзала в Петропавловский собор на Заячьем острове. Поэт впоследствии писал: «Меня взяли из Павловска в Петербург... На Невском, где-то против Николаевской, сняли комнату в меблированном

доме, в четвертом этаже¹. Еще накануне вечером (31 октября по старому стилю. – *А. К.*) я взобрался на подоконник, вижу: улица черна народом, спрашиваю: “Когда же они поедут?”, говорят – “Завтра”. Особенно меня поразило, что все эти людские толпы ночь напролет проводили на улице» [Мандельштам О. 2002, 6]. Хмурый осенний день, пронизывающий ветер и бесконечные темные толпы – таким отпечаталось в сознании ребенка «северное» прощание со «своим царем».

Еще больше запомнилось уже шестилетнему Осипу «пышное» прощание с умершим в Петербурге в середине мая 1897 года послом итальянского короля Умберто I, маркизом Маффеи ди Больо (*Maffei di Boglio*): «Проходил я раз с няней своей и мамой по улице Мойки мимо шоколадного здания Итальянского посольства (набережная Мойки, 86. – *А. К.*). Вдруг – там двери распахнуты и всех свободно впускают, а пахнет оттуда смолой, ладаном и *чем-то сладким и приятным* (курсив мой. – *А. К.*). Черный бархат² глушил вход и стены, обставленные серебром и тропическими растениями, очень высоко лежал набальзамированный итальянский посланник» [Мандельштам О. 2002, 34]. Этот второй эпизод, с его солнечным днем, невиданными тропическими растениями и неожиданно-острыми, пряными запахами, отложится в сознании поэта как феномен «праздничной смерти» (столь, оказывается, отличной от мрачно-давящей «северной смерти» по-петербургски) и намертво свяжется у него с образом «Юга», далекого Средиземноморья, Италии...

Истоки «северянской» поэзии

Согласно семейной легенде, российские Мандельштамы – потомки испанских евреев, в конце XV столетия бежавших на север, в Голландию и Германию, от преследований королей Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской. Еще севернее, в россий-

¹ Слова «на Невском, где-то против Николаевской» позволяют предположить, что семья Мандельштамов сняла в тот период комнату в доме купца 1-й гильдии М.И. Лопатина (ныне доме № 100) на Невском проспекте. В этот огромный четырехэтажный дом с широкими балконами на верхнем этаже упирается бывшая Николаевская улица (с 1918 года улица Марата).

² «Черный бархат» станет у Мандельштама неперенным элементом описания итальянской, «южной», трагической роскоши, как, например, в стихотворении «Веницейская жизнь» (1920): «Черным бархатом завешенная плаха // И прекрасное лицо...» [Мандельштам 2009, 108].

ской Прибалтике, Мандельштамы появились в середине XVIII века, когда некий ювелир-часовщик был приглашен в Курляндию герцогом Эрнстом Бироном, всесильным фаворитом императрицы Анны Иоанновны, и осел в литовском городке Жагаре (Žagarė).

Родители поэта, выходцы из Жагаре, предприниматель, купец Эмилий Мандельштам и музыкантша Флора Вербловская, поженились в Ковно. В 1897 году вместе с малолетними детьми переехали в имперскую столицу – Санкт-Петербург. Небогатая, но в целом обеспеченная еврейская семья, по-видимому, освоилась на русско-европейском Севере. Каникулы проводили у многочисленных родственников в разных местах Прибалтики и на популярных курортах близкой к Петербургу озерной Финляндии, входившей в тот период в состав Российской империи.

Именно тихую сельскую Финляндию, а не каменные кварталы Петербурга, Осип (Иосиф) в юности называл по-настоящему родным для себя местом. 20 апреля 1908 года, обучаясь в Париже, 17-летний Мандельштам написал матери о замеченной им за собой «маленькой аномалии»: «“Тоску по родине” я испытываю не о России, а о Финляндии» [Мандельштам О. 1999б, 11]. И приложил к письму матери свои новые «финские» стихи.

Раннее, наивно-восторженное стихотворение «О, красавица Сайма», посвященное финскому озеру, многое говорит о самоидентификации молодого поэта. Стилизуясь под древний финский эпос «Калевала», он сравнивает свою лодку, качающуюся на волнах озера, с материнской колыбелью!

О, красавица Сайма, ты лодку мою колыхала,
Колыхала мой челн, челн подвижный, игривый и острый,
В водном плеске душа колыбельную негу слыхала,
И поодаль стояли пустынные скалы, как сестры.

.....
Я причалил и вышел на берег седой и кудрявый;
Я не знаю, как долго, не знаю, кому я молился...

[Мандельштам 2009, 255]

«Северянское» умонастроение звучит и в чуть более позднем стихотворении Мандельштама, написанном в 1908 году в Санкт-Петербурге, по возвращении из Парижа:

Я от жизни смертельно устал,
Ничего от нее не приемлю,

Но люблю мою бедную землю,
Оттого, что иной не видал.

Я качался в далеком саду
На простой деревянной качели,
И высокие темные ели
Вспоминаю в туманном бреду
[Мандельштам 2009, 44].

Примечательно то, что признание в любви к родной земле, «оттого что иной не видал», написаны юношей, только что вернувшимся из Франции! В этом стихотворении прослеживается явная реминисценция строчки из стихотворения Федора Сологуба «Я люблю мою темную землю» [Сологуб 2002, 100], но решающее воздействие на юного Мандельштама оказали в те годы другие литераторы.

Мандельштам испытал в юности большое влияние поэзии «русского северянства», восходящей к Гавриилу Державину и князю П. Вяземскому [Кара-Мурза 2017а; Кара-Мурза 2017б; Кара-Мурза 2018], и в первую очередь – молодого главы этого направления рубежа XIX–XX веков, родоначальника раннего русского символизма Ивана Коневского (настоящее имя И.И. Ореус), поэта шведского происхождения, трагически погибшего в Зегевольде (современной Сигулде) летом 1901 года [Кара-Мурза 2020б].

Имя Ореуса-Коневского, его волшебный поэтический слог, обстоятельства гибели, наконец, его романтическая могила на крутом берегу латышской реки Аа (Гауя) можно признать поистине культовыми феноменами русского Серебряного века. По мнению литературоведов, прямыми литературными наследниками Коневского (взявшего литературный псевдоним по названию уединенного северного Коневецкого монастыря на Ладожском озере), помимо Мандельштама, стали Александр Блок, Валерий Брюсов, молодой Борис Пастернак, корифеи русской поэзии [Кара-Мурза 2020а; Кара-Мурза 2020]. (Отметим, что поздний Пастернак, по нашему убеждению, передал «северянскую эстафету» лучшему из учеников – поэту Андрею Вознесенскому, который посвятил Сигулде и погибшему там 60 лет назад юному поэту Коневскому стихотворение «Осень в Сигулде» 1961 года [Кара-Мурза 2020б, 171–172].)

Литературовед-эмигрант Е.В. Аничков написал об Ореусе-Коневском так: «Он сыграл у нас ту же роль, что Рембо в конце 60-х годов во Франции» [Аничков 1923, 10]. Ему вторит Е.И. Нечепорук, современный знаток творчества Коневского: «Поэтическую культуру русского символизма невозможно постичь без И. Коневского, как французскую – без Ш. Бодлера (Ch. Baudelaire. – А. К.), английскую – У.Б. Йитса (W.B. Yeats. – А. К.), немецкую – С. Георге (S. George. – А. К.), австрийскую – Г. фон Гофмансталя (H. von Hofmannsthal. – А. К.)» [Нечепорук 2000, 3].

Юный Мандельштам познакомился с поэзией Ивана Коневского через своего преподавателя литературы в петербургском Тенишевском училище, известного теоретика «русского северянства», поэта Вольдемара Гиппиуса. Позднее в мемуарной книге «Шум времени» Мандельштам написал об огромном влиянии на него Гиппиуса, настоящего «формовщика душ» поэтической молодежи: «Власть оценок В.В. (Гиппиуса. – А. К.) длится надо мной и посейчас. Большое, с ним совершенное, путешествие по патриархату русской литературы... до *Коневца раннего символизма* (курсив мой. – А. К.) так и осталось единственным» [Мандельштам О. 2010, 256–257].

Летом 1906 года 15-летний Осип, упротивший родителей поехать на лето именно в Зегевольд, где в июле 1901 года утонул Ореус-Коневской, много времени проводил на могиле поэтического кумира. Образ «тенистого» кладбища в Зегевольде, на окраине которого похоронен Коневской, появляется в стихотворении Мандельштама «Среди лесов унылых и заброшенных...» (1906), открывающем первый том его Собрания сочинений [Мандельштам О. 1999а, 31]. Прямую связь этого стихотворения с образом Коневского, погибшего в Зегевольде, подтверждают и слова из мемуарной книги Мандельштама «Шум времени»: «В тот год в Зегевольде, на курляндской реке Аа, стояла ясная осень с паутинкой на ячменных полях... Жители хранят смутную память о недавно утонувшем в речке Коневском. То был юноша, достигший преждевременной зрелости и потому не читаемый русской молодежью; он шумел трудными стихами, как лес шумит под корень. И вот, в Зегевольде... я по духу был ближе к Коневскому, чем если бы я поэтизировал на манер Жуковского и романтиков» [Мандельштам О. 2010, 240].

Очевидны и более поздние «переклички» поэтических размышлений Мандельштама с более ранними стихотворными ин-

туциями Коневского, например, строками из его стихотворения «Соборная дума» (март 1899 года):

И как нам отбиться от волка лихого...

Скажи, о бездольный мой брат!

[Коневской 2000, 188]

Широко известна вариация на эту же тему в знаменитом «северном» стихотворении Мандельштама 1931 года:

Мне на плечи кидается век-волкодав,

Но не волк я по крови своей,

Запихай меня лучше, как шапку, в рукав

Жаркой шубы сибирских степей.

.....

Уведи меня в ночь, где течет Енисей,

Где сосна до звезды достает,

Потому что не волк я по крови своей

И меня только равный убьет

[Мандельштам О. 2009, 156–157].

Интересна и «тема» о «крови» как «строительнице жизни», заданная Иваном Коневским в стихотворении «Наброски оды» (январь 1900 года):

По сердцу, по среде томится

И вместе вне и вдаль стремится

Строительница жизни кровь (курсив мой. – А. К.),

Ей в срок урочный возвращаться,

Чтоб вновь извне обогащаться,

Чтоб ткать живые ткани вновь

[Коневской 2000, 211].

Реакция зрелого Мандельштама на данную тему, когда-то предложенную его поэтическим учителем Коневским, передана в стихотворении «Век» (1922):

Век мой, зверь мой, кто сумеет

Заглянуть в твои зрачки

И свою кровью склеит

Двух столетий позвонки?

Кровь-строительница (курсив мой. – А. К.) хлещет

Горлом из земных вещей...

[Мандельштам 2009, 127]

В литературе о Мандельштаме многократно обсуждался вопрос о его «религиозности», в частности о мотивах и обстоятельствах принятия им христианского крещения. Однако при всей дискуссионности этой темы центральный факт неоспорим, и он свидетельствует в пользу «северянской» самоидентификации молодого поэта. 14 (26) мая 1911 года Осип, вопреки очевидному сопротивлению отца, был крещен в финляндском Выборге, в епископско-методистской общине, пастором Нильсом Розеном из Гельсингфорса (Хельсинки).

Мотивы «Севера» обильно присутствуют в поэзии Мандельштама 1910-х годов. В 1914 году он пишет «шотландское» стихотворение «Я не слышал рассказов Оссиана», включившись в литературное обсуждение одного из излюбленных сюжетов «русского северянства» – талантливой стилизации под древний шотландский эпос Джеймса Макферсона, писателя середины XVIII века. Но, в отличие от одного из зачинателей и классиков «русского северянства», князя Петра Вяземского, полуирландца по происхождению, Мандельштам – потомок еврейских беженцев с испанского юга, подчеркивает *не кровное*, а *культурное* родство с классической «северной» поэзией:

Я не слышал рассказов Оссиана,

Не пробовал старинного вина;

Зачем же мне мерещится поляна,

Шотландии кровавая луна?..

.....

И не одно соколовище, быть может,

Минуя внуков, к правнукам уйдет,

И снова скальд чужую песню сложит

И как свою ее произнесет

[Мандельштам О. 2009, 1, 77].

Поэт возвращается к теме «наследования чужой культуры» и в стихотворении «Когда на площадях и в тишине келейной» (декабрь 1917 года), посвященном другу-поэтессе Анне Ахматовой.

В этом мандельштамовском тексте «зима» и вообще «Север» снова, как и в юношеском «финском» («колыбельном» и посвященном матери) стихотворении 1908 года, служат идеальным местом укрытия и сбережения человеческой культуры в «сходящем с ума» хаотизирующемся мире:

Когда на площадях и в тишине келейной
Мы сходим медленно с ума,
Холодного и чистого рейнвейна
Предложит нам жестокая зима.

В серебряном ведре нам предлагает стужа
Валгаллы (волшебной страны из северного эпоса. – А. К.)
белое вино,
И светлый образ северного мужа
Напоминает нам оно

[Мандельштам О. 2009, 100].

Однако конец 1917 года – это для России и мира совершенно иная эпоха, и нотки небывалой ранее тревоги звучат в тексте Мандельштама:

Но северные скальды грубы,
Не знают радостей игры,
И северным дружинам любви
Янтарь, пожары и пиры

[Мандельштам О. 2009, 100].

Теоретик «русского северянства»

В начале 1920-х годов О.Э. Мандельштам сделал существенную попытку стать теоретиком «русского северянства» в области литературоведения и истории культуры. Зимой 1923 года он выступил на страницах только что созданного журнала «Русское искусство», декларировавшего окончание эксцессов революции и Гражданской войны, объединившего (как оказалось, ненадолго) лучших деятелей отечественной культуры, лояльных советской власти.

В первом номере журнала, в программной по сути статье «Буря и натиск», Мандельштам писал: «Отныне русская поэзия первой четверти двадцатого века во всей своей совокупности уже не

воспринимается читателями как “модернизм” с присущей этому понятию двусмысленностью и полупрезрительностью, а просто как русская поэзия» [Мандельштам О. 1923а, 76]. Он сделал следующий вывод: «Произошло то, что можно назвать *сращением позвоночника* (курсив мой. – А. К.) двух поэтических систем, двух поэтических эпох» [Мандельштам О. 1923а, 76]. Дополним, что статью «Буря и натиск» готовили к публикации, судя по всему, в конце 1922 года, и в ней, как и в стихотворении «Век», датированном этим же годом, снова присутствует дорогая для поэта «тема Коневского» о «крови-строительнице», которая «склеивает позвонки» разных эпох.

В «Заметках о поэзии», опубликованных в следующем номере журнала, который оказался последним, Мандельштам забыл о продекларированном «примиренчестве» и уже писал о том, что «главная линия противостояния» внутри русской литературы сохраняется. По его мнению, в русской культуре того времени по-прежнему наблюдается «война Севера и Юга» – собственно русской и византийской традиций, «борьба мирской бесписьменной речи, домашнего корнесловья, языка мирян с письменной речью монахов, с церковнославянской, враждебной, византийской грамотой» [Мандельштам О. 1923б, 68].

Согласно Мандельштаму, именно византийские монахи, эти «первые интеллигенты», навязали русскому языку «чужой дух и чужое обличье», поскольку «чернецы, т.е. интеллигенты, и миряне всегда говорили в России на разных языках» [Мандельштам О. 1923б, 69]. Поэтому, как делает вывод поэт, «все, что работает в русской поэзии на пользу чужой монашеской словесности, всякая интеллигентская словесность, т.е. “Византия”, – реакционна» [Мандельштам О. 1923б, 69]. И наоборот: «Все, что клонится к обмирщению поэтической речи, т.е. к изгнанию из нее монашеской интеллигенции, Византии, несет языку добро, т.е. долговечность, и помогает ему, как праведнику, совершить подвиг самостоятельного существования в семье других наречий» [Мандельштам О. 1923б, 69].

Первая попытка вырваться из «византийщины» на «Север» предпринята святыми Кириллом и Мефодием, хотя их «славянщина» для своего времени была примерно тем же, чем стал «язык газеты» для «нашего времени» [Мандельштам О. 1923б, 70]. Относительно современной русской литературы следует отметить, что исключительно позитивным примером «обмирщения языка»

и его «секуляризации» служит поэтическое творчество Бориса Пастернака [Мандельштам О. 1923б, 70].

Кто же является примером негативным? В России, и в этом уверен Мандельштам, все еще бытует иллюзия того, «что в русской речи спит латынь..., что спит в ней Эллада». Мандельштам убежден в следующем: «С тем же правом можно расколдовать в музыке русской речи негритянские барабаны и односложные словоизъявления кафров. В русской речи спит она сама и только она сама» [Мандельштам О. 1923а, 69].

Главной мишенью в своей критике «южной архаики» Мандельштам выбрал «византийско-эллинскую» поэзию Вячеслава Иванова. По мнению Мандельштама, в поисках культурных истоков русской поэзии, безусловно, талантливый поэт Иванов, «благодаря отсутствию чувства меры, свойственному всем символистам, невероятно перегрузил свою поэзию византийско-эллиническими образами и мифами, чем значительно ее обесценил» [Мандельштам О. 1923б, 76].

Согласно Мандельштаму, Вяч. Иванов, конечно, «более народен и в будущем более доступен, чем все другие русские символисты» [Мандельштам О. 1923б, 77]. Однако «значительная доля обаяния его торжественности относится к нашему филологическому невежеству». Об этом также с уверенностью говорит поэт: «Эллинистические стихи Вячеслава Иванова написаны не после и не параллельно с греческими, а раньше их, потому что ни на одну минуту он не забывает себя, говорящего на варварском родном наречии» [Мандельштам О. 1923б, 77–78].

Положительным явлением в русской поэзии, способствующей преодолению «южной архаики», Мандельштам считал переход от устаревшего «символизма» к новейшим формам, например, «футуризму». Русский символизм, по Мандельштаму, оказался ненадежным инструментом для поступательного преодоления «византийщины», поскольку на деле был лишь «сильнейшим сквозняком с Запада» [Мандельштам О. 1923б, 75]. Заменить старо-южную доминанту – «византийщину» – на банальное «западничество», согласно Мандельштаму, не получилось. Вышла, скорее, пародия. Неслучайно он пишет: «Воистину русские символисты были столпниками стиля; на всех вместе не больше пятисот слов – словарь полинезийца» [Мандельштам О. 1923а, 69].

В отличие от символизма, футуризм, по Мандельштаму, нес в себе «все черты национального поэтического возрожде-

ния», обеспечив перспективу обогащения «национальной сокровищницы языка и глубокой, своей поэтической традиции» [Мандельштам О. 1923б, 75–76]. Эта самобытность сближала русский футуризм с европейским романтизмом, в отличие от «чужестранного русского символизма, бывшего «культуртрегером», переносителем поэтической культуры с одной почвы на другую...» [Мандельштам О. 1923б, 76].

Результат усилий, предпринятых футуристами не заставил себя ждать. Для Мандельштама он сродни европейской Реформации, увлекшей освободившуюся, обмирщенную Европу на Север, подальше от папского Рима. Поэт признавался: «Когда я читаю “Сестру мою жизнь” Пастернака, я испытываю ту самую чистую радость освобожденной от внешних влияний мирской речи, черной поденной речи Лютера. Так радовались немцы в своих черепичных домах, впервые открывая свеженькие, типографской краской пахнущие свои готические Библии» [Мандельштам О. 1923а, 70].

Историософская концепция «поступательного движения русской культуры на Север» у Мандельштама перекликается с получившими известность тоже в 1920-е годы (в основном в среде русской постреволюционной эмиграции) идеями русского культуролога-европеиста Георгия Федотова, гораздо более уважительно относившегося к античным традициям. В своей статье «Трагедия интеллигенции», опубликованной в 1926 году в парижском журнале «Версты», Федотов под псевдонимом Е. Богданов писал: «Москва для нас имя, покрывшее всю Северную Русь. В нее как в озеро, во внутреннее море (вроде Каспия) вливались все ручьи, пробившиеся в северных мшистых лесах» [Федотов 1927, 155].

Однако основную роль в «северном» спасении и концентрации русской культуры Федотов отводит не Москве и не Санкт-Петербургу, а Великому Новгороду: «Главное творческое дело было совершено Новгородом. Здесь, на Севере, Русь перестает быть робкой ученицей Византии и, не прерывая религиозно-культурной связи с ней, творит свое – уже не греческое, а славянское или, вернее, именно русское – дело. Только здесь Русь откликнулась христианству своим особым голосом...» [Федотов 1927, 155–156].

Послесловие

В воспоминаниях об Осипе Мандельштаме его вдова, Надежда Мандельштам, в главе с характерным названием «Вечный жид»

пишет о том, что во второй половине жизни, все более насыщавшейся мотивами трагизма, поэт, настрадавшись от большевистского режима, полностью отказался от апологии любых форм «русского северянства» и, видимо, вспомнив о своих «испанских корнях», все чаще мечтал о «теплом Юге».

По мнению Н. Мандельштам, в середине 1930-х годов Осип Эмильевич особенно остро ощутил родство с южно-европейскими евреями, бежавшими в поиске лучшей жизни на Север. Находясь в ссылке, в Воронеже (1934–1937), он перечитывал в переводе Валентина Парнаха стихи старых испанских и португальских поэтов – жертв католической инквизиции [Испанские и португальские... 1934]. Вдова вспоминала: «Мандельштам убеждал меня, что тяга на юг у него в крови. Он чувствовал себя пришельцем с юга, волею случая закинутым в холод и мрак северных широт...» [Мандельштам Н. 2014, 502].

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аничков 1923 – *Аничков Е.* Новая русская поэзия. – Берлин: изд-во И.П. Ладыжникова, 1923.

Испанские и португальские... 1934 – Испанские и португальские поэты, жертвы инквизиции / под общ. ред. М.Н. Розанова; пер., сост. и комм. В.Я. Парнаха. – М.–Л.: Academia, 1934.

Кара-Мурза 2017а – *Кара-Мурза А.А.* Россия как «Север». Метаморфозы национальной идентичности в XVIII–XIX веках: Г.Р. Державин // Философские науки. 2017. № 8. С. 121–134.

Кара-Мурза 2017б – *Кара-Мурза А.А.* Концепция «русского северянства» в героических одах Г.Р. Державина (к вопросу о российской идентичности) // Политическая концептология. 2017. № 3. С. 187–194.

Кара-Мурза 2020а – *Кара-Мурза А.А.* Россия как «Север»: проблемы цивилизационной идентичности в философии Бориса Пастернака (к 130-летию со дня рождения) // Философский журнал. 2020. Т. 13. № 2. С. 5–18.

Кара-Мурза 2020б – *Кара-Мурза А.А.* Поэт-философ Иван Ореус-Коневской – культовая фигура «русского северянства» Серебряного века // Человек. 2020. Т. 31. № 3. С. 155–172.

Коневской 2000 – *Коневской (Ореус) И.* Мечты и думы. Стихотворения и проза. – Томск: Водолей, 2000.

Мандельштам Н. 2014 – *Мандельштам Н.Я.* Собрание сочинений. В 2 т. Т. 2. – Екатеринбург: Гонзо, 2014.

Мандельштам О. 1923а – *Мандельштам О.* Буря и натиск // Русское искусство. 1923. № 1 (февраль). С. 75–82.

Мандельштам О. 1923б – *Мандельштам О.* Vulgata (заметки о поэзии) // Русское искусство. 1923. № 2–3 (февраль). С. 68–70.

Мандельштам О. 1999а – *Мандельштам О.Э.* Полное собрание сочинений и писем. В 4 т. Т. 1: Стихи и проза 1906–1921. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 1999.

Мандельштам О. 1999б – *Мандельштам О.Э.* Полное собрание сочинений и писем. В 4 т. Т. 4: Письма. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 1999.

Мандельштам О. 2002 – *Мандельштам О.Э.* Шум времени. – М.: Вагриус, 2002.

Мандельштам О. 2009 – *Мандельштам О.Э.* Полное собрание сочинений и писем. В 3 т. Т. 1: Стихотворения. – М.: Прогресс-Плеяда, 2009.

Мандельштам О. 2010 – *Мандельштам О.Э.* Полное собрание сочинений и писем. В 3 т. Т. 2: Проза. – М.: Прогресс-Плеяда, 2010.

Нечепорук 2000 – *Нечепорук Е.* «О слово вещее, слово – сила...». О творчестве Ивана Коневского // *Коневской (Ореус) И.* Мечты и думы. Стихотворения и проза. – Томск: Водолей, 2000. С. 3–26.

Сологуб 2002 – *Сологуб Ф.* Собрание стихотворений. В 8 т. Т. 1. – СПб.: Навьи Чары, 2002.

Федотов 1927 – *Федотов Г.П. (псевд. «Е. Богданов»)*. Трагедия интеллигенции // *Версты*. 1927. № 2. С. 145–184.

Kara-Murza 2018 – *Kara-Murza A. Gavriil Derzhavin on Russian Civilization: Russia as “The North”* // *Russian Studies in Philosophy*. 2018. Vol. 56. No. 3. P. 88–98.

Kara-Murza 2020 – *Kara-Murza A.A. Boris Pasternak, “Winter Man”: On the Cultural Self-Identification of Russian Geniuses* // *Russian Studies in Philosophy*. 2020. Vol. 58. No. 4. P. 299–306.

REFERENCES

Anichkov E. (1923) *New Russian Poetry*. Berlin: I.P. Ladyzhnikov Press (in Russian)

Fedotov G.P. (1927) The Tragedy of the Intelligentsia. *Versty*. No. 2, pp. 145–184 (in Russian).

Kara-Murza A.A. (2017a) The Russian “North”. Metamorphoses of National Identity in the Late 18th – Early 19th Centuries: G.R. Derzhavin. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. No. 8, pp. 121–134 (in Russian).

Kara-Murza A.A. (2017b) The Concept of “Russian Northerners” in the Heroic Odes of G.R. Derzhavin (On the Question of Russian Identity). *Politicheskaya kontseptologiya*. No. 3. P. 187–194. (in Russian).

Kara-Murza (2018) – *Kara-Murza A. Gavriil Derzhavin on Russian Civilization: Russia as “The North”*. *Russian Studies in Philosophy*. Vol. 56, no. 3, pp. 88–98.

Kara-Murza A.A. (2020a) Russia as the “North”: Problems of Civilizational Identity in the Philosophy of Boris Pasternak (On the 130th Anni-

versary of His Birth). *The Philosophy Journal*. Vol. 13, no. 2, pp. 5–18 (in Russian).

Kara-Murza A.A. (2020b) Poet-Philosopher Ivan Oreus-Konevskoy as a Cult Figure of the “Russian Northerners” of the Silver Age. *Chelovek*. Vol. 31, no. 3, pp. 155–172 (in Russian).

Kara-Murza A.A. (2020c) Boris Pasternak, “Winter Man”: On the Cultural Self-Identification of Russian Geniuses. *Russian Studies in Philosophy*. Vol. 58, no 4, pp. 299–306.

Konevskoy (Oreus) I.I. (2000) *Dreams and Thoughts. Poems and Prose*. Tomsk: Vodoley (in Russian).

Mandelstam N.Ya. (2014) *Collected Works in 2 Vols.* (Vol. 2). Yekaterinburg: Gonzo (in Russian).

Mandelstam O.E. (1923a) Storm and Stress. *Russkoye iskusstvo*. No. 1, pp. 75–82 (in Russian).

Mandelstam O.E. (1923b) Vulgata (Notes on Poetry). *Russkoye iskusstvo*. No. 2–3, pp. 68–70 (in Russian).

Mandelstam O.E. (1999a) *Complete Works and Letters in 4 Vols. Vol. 1: Poems and Prose of 1906–1921*. Moscow: Progress (in Russian).

Mandelstam O.E. (1999b) *Complete Works and Letters in 4 Vols. Vol. 4: Letters*. Moscow: Progress (in Russian).

Mandelstam O.E. (2002) *The Noise of Time*. Moscow: Vagrius (in Russian).

Mandelstam O.E. (2009) *Complete Works and Letters in 3 Vols. Vol. 1: Poems*. Moscow: Progress-Pleyada (in Russian).

Mandelstam O.E. (2010) *Complete Works and Letters in 3 Vols. Vol. 2: Prose*. Moscow: Progress-Pleyada (in Russian).

Necheporuk E. (2000) “Oh Prophetic Word, the Word is Power...” On the works of Ivan Konevskoy. In: Konevskoy (Oreus) I.I. *Dreams and Thoughts. Poems and Prose* (pp. 3–26). Tomsk: Vodoley (in Russian).

Parnakh V.Ya. (Comp.) (1934) *Spanish and Portuguese Poets, Victims of the Inquisition*. Moscow: Academia (in Russian).

Sologub F. (2002) *Collected Poems in 8 Vols.* (Vol. 1). Saint Petersburg: Navi Chary (in Russian).